

Особенности политического процесса в Болгарии глазами русских (конец XIX — начало XX вв.)

В конце XIX — начале XX вв. на Балканах шел процесс догоняющей модернизации по западному образцу. Говоря о его специфике, современные исследователи нередко обозначают данную модернизацию как имитационную — заимствуя элементы вестернизации, южные славяне «творчески» их перерабатывали, подстраивая под местные реалии. Одним из таких элементов являлась и политическая система. В Болгарии ее номинальной основой стала Тырновская конституция*. Ее принято оценивать как одну из самых демократичных и передовых в Европе того времени, что является предметом национальной гордости болгар**. Однако, как это часто бывало, номинальная норма не в полной мере отражала практику.

В своем исследовании мы попробуем взглянуть на функционирование болгарской политической системы первых 40 лет существования возрожденного болгарского государства (1878–1918 гг.) — времени, оставшегося в памяти народа как полное надежд на плодотворный и мирный труд, впечатлявшего прогрессом страны¹. Ответственность за две национальные катастрофы — поражение во Второй Балканской и Первой мировой войнах — следующее поколение возложило на правящие круги именно этого времени, игнорируя их заслуги и называя «допотопными» и «ископаемыми»². Столь ангажированные оценки сказывались и на мемуаристике, искажая картину функционирования

* Зачастую высказывается мнение, что Тырновская конституция является едва ли не калькой бельгийской, но это не так. См., напр., об этом: *Мишкова Д.* Из националните ни комплекси, или «белгийска» ли е Търновската конституция? // Историческо бъдеще. 1997. № 2.

** В частности, это повторил в 2019 г. и посол Болгарии в России на торжественном приеме в честь Дня освобождения страны.

политической системы. Обращение же к официальным данным зачастую не отражало реальной практики, не фиксируемой в документах. По этой причине постараемся обрисовать контуры демократии молодой страны, опираясь на впечатления русских очевидцев. Безусловно, на базе данных источников целиком понять и объяснить болгарские реалии невозможно — всех деталей авторы не могли охватить ни взором, ни пером. Но иностранцы всегда видят то, что привычно и незаметно представителям изучаемой культуры, а потому могут делать обобщающие выводы, давая нам пищу для размышлений. Использование же сведений русских наблюдателей уже не единожды обосновывалось как перспективное для исследования истории южных славян. Это обусловлено низким языковым барьером, культурной и конфессиональной близостью и отсутствием присущего европейцам взгляда через призму собственного культурного превосходства³. К тому же, в силу сложившихся среди южнославянского населения симпатий, русские могли пустить туда, куда европейцам вход был заказан⁴. Всё это позволяло русским более объективно изучать и понимать южных славян. Европейцы же, как утверждал в XIX веке известный славист П.А. Ровинский, находясь в Сербии, «на все явления народной жизни смотрят издали и свысока, схватывают их поверхностно и дают им толкование по своему вкусу или по своим субъективным воззрениям»⁵.

Вдобавок использование именно данного типа источников позволяет нам понять сразу две культуры — описываемую и описывающую, поскольку чужое — лишь зеркало, глядя в которое мы конституируем и свое. Правда, надо помнить, что наблюдатели принадлежали к меньшей, образованной части общества с присущим ей набором ценностей.

Для создания демократического и правового общества на Балканах имелись определенные предпосылки. Для балканских народов в XIX–XX вв. было характерно отсутствие социальной дифференциации. Из-под турецкого ига государства полуострова вышли с неполной социальной структурой — национальная родовая знать уцелела только в Румынии. В Болгарии сложив-

шаяся ситуация была зафиксирована в 57-й статье Тырновской конституции: «Все болгарские подданные равны перед законом. Сословное разделение в Болгарии не допускается»⁶. Нацелено на сохранение равенства было и изменение, внесенное в 1879 г. Учредительным собранием Болгарии в первоначальный проект Тырновской конституции, подготовленный в России. ПРАВКА превратила парламент из двухпалатного в однопалатный. Однако если в классических вариантах правовое равенство достигалось в борьбе внутри социума, становилось основой гражданского мира и являлось одним из прав человека, то в Болгарии оно установилось просто в силу освобождения страны. И не имея за спиной опыта сосуществования неравных в прошлом частей общества, болгары не могли в полной мере ценить и осознавать свое равноправие.

Однако для наблюдателей из России, с ее сословностью и чиновничьим почитанием, равенство болгарского общества бросалось в глаза. Они нередко именовали его демократичностью. «Больше же всего поразила нас в этой стране ее демократичность... Нужно еще сказать, что Болгария — это удивительное царство какого-то родственного отношения людей между собою», — утверждала донская казачка, посетившая страну в 1911 г.⁷. Направлявшийся в Македонию русский доброволец Б.Л. Тагеев в 1903 г. также констатировал: «В силу демократического положения Болгарии самое разношерстное общество сливается в одно целое... И министры, и редакторы газет, и простые селяне, офицеры и студенты — все в общей толпе проводят вечера за кофе или кружкой пива в лучшем здесь кафе „Червенном Раке“»⁸. В 1912 г., во время Первой Балканской войны, писатель Вас.И. Немирович-Данченко, не единожды посещавший страну, громко заявлял со страниц прессы: «Болгария — конституционное государство, где все равны перед законом»⁹. Наблюдая хоро, в котором вместе плясали офицеры и солдаты, он писал, что это стало для него

* Стоит отметить, что «Червен рак» являлся далеко не рядовым заведением. Несмотря на простоту обстановки, здесь подавали мюнхенское пиво; кафе находилось напротив дворца монарха, и потому его называли «придворным». «Это было питейное заведение только для гастрономов», — вспоминала современница (Костенцева Р. Моя роден град София в края на XIX — началото на XX век и след това. София, 2008. С. 236).

«образом всей Болгарии, счастливой страны равенства и братства, где нет сословий, никто не оторвался от народа и живет с ним одной общей жизнью»¹⁰. Тогда же журналист В. Водовозов называл Болгарию «наиболее демократическим и наиболее культурным государством Балканского полуострова», даже «в худшие времена стамбуловского деспотизма» бывшим «демократическим и мужицким»¹¹. И в том же 1912 г. писателя Е.Н. Чирикова поразила доступность представителей власти. Его ожидание разрешения властей на поездку на фронт затягивалось. Тогда ему посоветовали позвонить болгарскому премьеру И. Гешову. Писатель крайне удивился, представив, что в России кто-то решил вызвать к аппарату премьера. В ответ он услышал: «У нас страна — демократическая»¹².

Данный предмет гордости болгар был органичной частью жизни и оберегался от попыток разрушения. Первый военный министр Болгарии — русский генерал П.Д. Паренсов — в своем ведомстве хотел ввести по образцу России жесткие правила внутренней переписки с необходимыми обращениями и чинопочитаниями. «Тут мне пришлось выслушать от добрейшего Бурмова* прекурьезное возражение, высказанное, однако, в наставительном тоне: „помилуйте, П[етр] Д[митриевич], как же мы можем принять ваши формы. Вы — страна монархического, неограниченного правления, а мы — конституционного!“» — вспоминал генерал¹³. Примечательно, что, судя по тону, он сам со скепсисом воспринимал демократические порядки. Но в секретной записке русскому военному министру Паренсов советовал тщательно избегать всего, «что составляет роскошь и наружный блеск». «Мнение, будто в Болгарии, стране восточной, необходим блеск, чтобы влиять на умы, не выдерживает ни малейшей критики», — заключал он¹⁴. Другой русский очевидец первых лет болгарской государственности отметил, что болгарин «с иронией, даже пренебрежением относится к попыткам некоторых господ из высшего чиновничества подражать аристократическим привычкам запада»¹⁵. И спустя 20 лет еще один наблюдатель утверждал, что болгары к «блеску привыкают с трудом, так как в их нравах

* Видимо, Тодор Бурмов (1834–1906) — видный государственный деятель и политик Болгарии.

большая простота», и лишь русский посол торжественно ездит по Софии¹⁶.

Интересно, что в самой столице были люди, которые могли себе позволить внешнюю роскошь и комфорт, но избегали их демонстрации. Например, до создания железнодорожной сети наиболее комфортным средством междугородного передвижения являлась бричка. Однако она воспринималась как роскошь, и некоторые жители Софии добирались до окраины города более «демократическим» способом и только там пересаживались в брички, чтобы на них не смотрели косо¹⁷. Этот факт и неоднократное подчеркивание самими болгарами равенства и демократического устройства государства говорят о том, что такие порядки для них являлись важной ценностью. Возможно, здесь стоит видеть определенное упоение болгар от наконец-то приобретенной свободы, от того, что они перестали быть на собственной земле людьми второго сорта. Подобное отношение к себе и окружающим не могло не радовать либерально настроенных русских наблюдателей, ведь в таких условиях воспитывался свободный человек, вышедший из-под ярма и распрямивший плечи. Русский писатель Г.И. Успенский описал свою встречу с русским солдатом, прожившим в Болгарии несколько лет после ее освобождения. И как констатировал автор, стало заметно, что вчерашний забитый русский крестьянин стал уверенным в себе человеком, у него появилось чувство самоуважения¹⁸.

В то же время привычка к равенству и отсутствие дистанции между властью и народом рождало проблему, особенно острую для молодого государства. А именно — нехватку священного трепета перед властью и монархом в частности. Политик К. Стоилов сокрушался по этому поводу и говорил о необходимости воспитания данного чувства¹⁹. Потому и к формальной милости государя относились со скепсисом. Попытка князя Фердинанда Кобурга ввести традицию монарших наград подданным, где важна не материальная стоимость, а факт прикосновения к высшей власти, оказалась провальной. Как вспоминал учивший монарха болгарскому языку Д. Ганчев, «мы, люди того времени, не могли освободиться от нашего крестьянского материализма при оценках княжеского благоволения». Только что награжденный

орденом*, в знаке которого не имелось драгоценных камней и металлов, выйдя на улицу, прокричал: «Господа, за одно пиво!.. Отдам его! Кто угостит?»²⁰.

Впрочем, являлось ли это равенство чертой демократии? Как ни парадоксально — нет. Это была не демократия, а патриархальность. Офицеры и политики не происходили из дворянских родов, как это было в Европе; их отдельная каста еще не успела сложиться, хотя и находилась на стадии формирования. Появившийся государственный аппарат «втянул» в себя всех более или менее образованных болгар. Но они формировали интеллектуальную элиту, а не выросли в ней. Как писал упоминавшийся Д. Ганчев, торжественно принимаемая князем элита состояла из «сыновей крестьян и ремесленников»²¹. И они об этом помнили. Русскому писателю рассказывал его болгарский знакомый — чиновник: «Я вот, говорит, большое образование имею, и должность моя большая, — а приедет из деревни мой отец, кмет (по нашему староста будет), — так я при всем моем могуществе сесть пред ним не смею. Скажет: „садись!“», ну, сяду, — а не скажет, и так постоишь»²². В данном случае мы видим, что подчиненность по семейным признакам важнее формальной.

В таком своем виде равенство противоречит демократии, прогрессу, поскольку оно патриархально. Патриархальная же культура всегда выступает за статус-кво: она против новшеств, поскольку эксперименты несут слишком большие риски, сдерживает расслоение, потому что это нарушит мир внутри социума. И равенство становится не правом человека, а его обязанностью...

Другим привычным компонентом демократии является свобода слова. Статья 79 Тырновской конституции ее декларировала²³, и реальное наличие этой свободы поражало русских наблюдателей. «Должен, однако, заметить, что говорят здесь в публичных местах поразительно свободно!» — вспоминал писатель Е.Н. Чириков. На его вопрос о наличии охранного отделения он услышал

* Характерно, что изначально конституция предусматривала лишь наличие награды, вручаемой только военным и за заслуги в военное время. В 1893 г., очевидно, по желанию Фердинанда, у монарха появилось право учреждать ордена и удостоивать ими (Конституция на Българското Царство. София, 1945. С. 13). Привыкший к блеску европейских дворов, князь не мог смириться с этим крестьянским равенством.

смех и разъяснение, что за определенные высказывания у болгар полагается лишь небольшой штраф по суду. «Рассказывают такие анекдоты, что я пугливо озираюсь по сторонам и всё жду, что вот-вот сейчас подскочит господин средних лет и скажет: — Пожалуйте!»²⁴. Но в то же время писатель сам рассказал, что одну из его пьес не поставили в театре, поскольку, как ему разъяснили, «наша внутренняя политика всецело определяется внешней, и дирекция театра бывает иногда чрезмерно осторожной и дипломатичной». Тут он сам заметил разницу написанного на бумаге и реального исполнения законов: «Конституция прекрасна, но... директор дипломат...»²⁵.

Однако если дело касалось внутренней политики, то дипломатичность отсутствовала. Русский генерал Н.А. Епанчин, посетивший Болгарию в начале XX в., вспоминал: «В Болгарии была полная свобода печати, а мы у себя дома не привыкли к этому, и я был поражен, увидев в газетах карикатуры на князя Фердинанда с преувеличенным носом, в виде хобота слона, и резкими статьями о князе»²⁶. Свободе слова способствовал плюрализм мнений, существующий в силу развития периодической печати. Профессор П.А. Кулаковский посетил в 1899 г. Болгарию и заметил: «Публицистическая печать в Болгарии носит странный характер. Издается „газет“ целая туча. Большинство городов издают каждый свой орган, а то и два, если в городе есть зажиточные люди двух партий»²⁷. Подтверждает данное наблюдение и статистика. В 1913 г. в стране насчитывалась 181 типография, при этом $\frac{4}{5}$ из них были разбросаны по стране²⁸, что говорит о распространении в том числе и региональной прессы. И эти издания находили своих читателей, поскольку «партийность повсюду в Болгарии»²⁹, и «нет уголка в целой Болгарии, где бы спокойно, без ссор, доходящих до преступлений, говорили о политических вопросах своего отечества», как отмечали русские наблюдатели³⁰.

Казалось бы, мы видим классические элементы демократии — свободу слова, плюрализм мнений, заинтересованность населения в политических процессах. Однако и в данном случае постулируемая ценность демократии была с болгарским «акцентом», выразившимся в тоне общественной дискуссии. По словам

русского очевидца, как «только дело коснется политики, самые лучшие друзья становятся лютыми врагами»³¹. И это выплескивалось на страницы газет. Одна газета в Плевене называла другую «правительственной подстилкой» и «фондоедом». Газета Народно-либеральной партии величала лидера Либеральной В. Радославова глупцом, лжецом и интриганом, а его сторонников — убогими и дураками. В ответ орган либералов именовал главу народнолибералов Д. Петкова негодяем и подлецом³². Накануне выборов 1902 г. у одного из видных представителей Демократической партии М. Такева умерла при родах жена. Противники отреагировали лозунгом «Как не умер и он!»³³. Партийное ожесточение превращало свободу слова в площадную брань, о защите чести и достоинства и речи не могло идти. Если оскорбленный подавал в суд, то мог добиться лишь штрафа, но и сам нес репутационные потери, связанные с освещением процесса в прессе, а следовательно — тиражированием оскорблений. Институт репутации не сложился, и хотя Уголовный кодекс Болгарии разрешал дуэли³⁴, за обозреваемый период не состоялось ни одной, при том что вызовы звучали неоднократно³⁵.

С другой стороны, свобода слова и партийная борьба являются залогом соблюдения властью буквы закона, поскольку невозможно ничего скрыть. Однако П.А. Кулаковский отметил, что каждое правительство стремится обогатиться за счет казны, а находившийся у власти на момент его визита кабинет Д. Грекова он охарактеризовал как «прямо министерство наживы и гешефта»³⁶. И избиратели обо всем знали, но скомпрометировавшие себя политики всё равно возвращались во власть. Например, М. Савов в бытность военным министром запятнал себя участием в так называемой «афере Шарль-Жан», связанной со злоупотреблениями при закупке иностранного вооружения. Но это не помешало монарху через несколько лет назначить генерала заместителем главнокомандующего. И таких примеров не единицы. Л.Д. Троцкий во время Балканских войн писал по данному поводу: «„Популярный“ генерал, которого не успели осудить за казнокрадство, — в качестве главнокомандующего; заведомый... пресидижитатор — в качестве коменданта; бесцеремонный карьерист — в роли военного цензора; отставной турецкий агент —

как необходимая фигура при военном министерстве, — всё это вместе бросает достаточно яркий свет на нравы командующего состава армии»³⁷.

Репутация, таким образом, не имела большого значения в политической борьбе. «Сложившаяся обстановка порождала чисто утилитарное отношение к власти — главным считалось приблизиться к ней, получить (и получать!) от этого привилегии. Мало кто реально заботился о нуждах государства», — точно подметила российский историк Р.П. Гришина³⁸. Потому и неувидительны строки из воспоминаний русского эмигранта о 1920-х годах: «Многие жители села передавали мне, что ряд кметов и секретарей их общины стали богатыми людьми, обворовав общину; что они изверились в своих общинских руководителях, ибо каждый последующий еще хуже предыдущего»³⁹. И пусть они в глазах общества не имели легитимности, но имели легальность, поскольку занимали свои посты в результате победы на выборах. Хотя партийная конкуренция и свобода слова не обеспечивали проведения выборов в соответствии с законом.

Русские очевидцы этого процесса, к сожалению, не описали, а потому мы вынуждены опереться на другие источники. Как вспоминала софийка Р. Костенцева, «вообще выборы проводились в условиях беззакония и мошенничества, произвола и насилия»⁴⁰. Современный болгарский историк И. Илчев также указал на произвол находящейся у власти политической силы. Ее искренние и нанятые сторонники на митингах осыпали противников камнями, на выборах рвали бюллетени, «нередко использовали деликатное внушение солдатских ружей, на которых блестяли примкнутые штыки»⁴¹. Лучшее подтверждение этим словам — бессмертное произведение болгарского сатирика А. Константинова, жившего в интересующее нас время. Его герой Бай Ганю в один из периодов своей жизни занимался организацией выборов. «Да какой бы я был Ганю Балканский, кабы не знал и этого ремесла. Ты меня, сударь мой, посади в какую хошь околию и скажи, кого тебе там избрать, — осла, тудыть его, кандидатом выдвинешь, — осла тебе проташу! Дай мне только околийского с жандармами да тысячу-другую левов», — говорил главный герой, в чьем образе писатель высмеивал современные

ему нравы⁴². И выборы проходили, проигравшие признавали их результаты, и все ждали следующих выборов.

Причину такой покорности А. Константинов обрисовал уж совсем в черных красках, а потому вернемся к русским наблюдателям. Одному из них европейский дипломат так объяснял данный феномен: «Болгария — изрядная Азия. Она еще не успела отвыкнуть от турецкого наследия, авторитета кулака и палки»⁴³. П.А. Кулаковский через несколько лет вторил этой точке зрения: «Болгарский народ, очень практичный, трудолюбивый, мирный и вообще не склонный к переворотам и борьбе с правителями и властями. Напротив того, он даже слишком приучен долговременным рабством к пассивной покорности»⁴⁴. Однако здесь необходимо указать, что оба вышепроцитированных очевидца не были свидетелями ожесточенных политических баталий времени правления Александра Баттенберга, а увидели Болгарию после падения режима С. Стамболова — режима, который можно оценивать как определенный откат в процессе демократизации. Указанные особенности придают сложившейся системе схожесть с так называемыми демократиями третьей волны и позволяют охарактеризовать форму правления как гибридный режим, электоральную или нелиберальную демократию, хотя и с более грубыми способами вмешательства в избирательный процесс, нежели это принято в XXI веке.

В то же время буква закона прямо не говорила о наличии демократии. Тырновская конституция определяла форму правления как «монархию наследственную и конституционную, с народным представительством»⁴⁵. В ней же четко был прописан порядок назначения министров и премьера: «Министры назначаются и увольняются царем»⁴⁶. Не упоминая такой формы организации как партия, главный закон не предусматривал и необходимость парламентского большинства. Однако формальное наличие народной поддержки давало право на проведение непопулярных мер от имени народа и перекладывание ответственности. По этой причине С. Стамболов постоянно подчеркивал, что в своих действиях его кабинет опирался на волю народа, выраженную в парламентском большинстве. «Потому формирование последнего превратилось в основную внутреннюю политическую за-

дачу власти», — заключил проанализировавший избирательный процесс в 1887–1894 г. болгарский историк М. Палангурски⁴⁷. В итоге, несмотря на казнокрадство и вольное обращение с правовыми нормами, С. Стамболов имел прочную основу своего режима. Находившийся всё это время в тени Фердинанд Кобург освоил болгарскую политическую науку и после 1894 г. следовал сложившейся политической парадигме в несколько измененном виде.

Номинально избирательный процесс стал конкурентным, ротация партий и премьеров носила регулярный, если не слишком частый характер. Тем не менее, тот же П.А. Кулаковский всю партийную систему не считал серьезной: «Партии в Болгарии носят чаще всего имена своих вождей, выдвинутых или историческим прошлым, или дарованиями, или просто случайно. Все эти лица или были, или будут министрами-президентами различных кабинетов, когда будет угодно князю призвать их ко власти»⁴⁸.

Указанная основа политической системы Болгарии была очевидна не только ему. Л. Д. Троцкий, хорошо знакомый с местными реалиями, утверждал: «„Партия“ политически безразличных и безличных здесь, по вполне понятным причинам, очень многочисленна и своими голосами определяет исход выборов. А незачем пояснять, что эта „партия“ всегда склонна поддерживать власть». Множество раз разочарованные в своем выборе граждане голосовали за уже находящуюся благодаря царю в правительстве партию, ведь она хоть может исполнить обещания. Фердинанд определял необходимую, на его взгляд, в этот момент политическую группу, которая затем в результате выборов получила численный перевес в Народном собрании, поддерживающий действующее министерство⁴⁹. Не парламентское большинство определяло кабинет министров, а кабинет министров — парламентское большинство. В результате те или иные решения проводились в жизнь от имени партии, имеющей преобладание в Народном собрании. Фердинанд Кобург же, в реальности и в соответствии с законом назначавший правительство, тем самым задавая вектор развития событий, снимал с себя ответственность и оставлял пространство для маневра в виде быстрой смены премьера. Таким образом, мы видим не конституционную

монархию, а дирижируемую монархом демократию. Впрочем, и это было шагом на пути к демократии и правовому государству — говоря языком современной политологии, гибридный режим утратил синдром доминирующей власти и приобрел синдром слабого плюрализма.

По подсчетам М. Палангурски, с 1879 по 1911 гг. болгарские граждане ходили на выборы 19 раз. «Должны же они были чему-нибудь научиться», — писала Р.П. Гришина⁵⁰. Здесь мы позволим себе не согласиться с уважаемым исследователем: выборы, проходившие вышеописанным способом, не могли научить демократическому процессу. Приведенная в подтверждение своим словам отечественным историком антивоенная кампания Болгарского земледельческого народного союза 1911 г. лишь подтверждает характеристику болгарской политической системы как гибридной — несмотря на масштаб и разрешенность акций крестьянской партии в крестьянской стране, они не оказали никакого воздействия на курс правительства, взятый на войну. И даже удаление царя Фердинанда с политической арены не изменило парадигмы болгарской политики. На смену дирижируемой демократии пришло менее либеральное правление земледельцев, закончившееся также отнюдь не в соответствии с демократическими процедурами.

С формальной точки зрения, в Болгарии рубежа XIX–XX вв. была конституционная монархия западноевропейского образца. Но реальное воплощение этого было иным. Равенство являлось патриархальным, а не демократическим и правовым, свобода слова имела характер безграничной вольницы, партийная конкуренция велась в первую очередь за симпатии монарха. Последний же использовал выборы как способ снять с себя ответственность за важные решения. А оппозиция мирилась с махинациями в избирательном процессе, зная, что, возможно, в следующий электоральный цикл будет обратная ситуация. И в результате имели место не конкурентные выборы, а попросту ритуализация власти.

«Это странная смесь ориентально-левантийской традиции, славянско-общинной и православной демократичности с правилами выстраданной европейской практики», — охарактеризовал политическую систему Болгарии конца XIX в. М. Палан-

гурски⁵¹. Однако, с другой стороны, точная копия французской или британской модели демократии в Болгарии не могла быть работоспособной. Стране требовалось пройти свой тернистый путь к демократии. Но чередой «национальных катастроф» скорректировала этот процесс, а через три десятилетия он и вовсе был прерван*. Населению стало не до требований демократии и реальной свободы выборов.

Однако еще накануне Балканских войн все внешние атрибуты указывали на демократию. Этого хватало русским, чтобы завидовать, а болгарам — гордиться; соответственно, сама демократия являлась для обоих народов ценностью. Пусть и в реальном своем проявлении болгарская демократия была пустой обложкой, фанерным фасадом государственности.

Примечания

- ¹ *Илчев И.* Междено време. София, 2005. С. 324.
- ² *Свинтила В.* Забравена София. София, 2017. С. 86–87.
- ³ *Шемякин А.Л.* Введение // Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары. СПб., 2006. С. 9; *Он же.* Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии (1878–1914) // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 69.
- ⁴ *Гусев Н.С.* Южные славяне в начале XX века: перспективы и сложности научного подхода // Славяноведение. 2019. № 1. С. 5–6.
- ⁵ *Шемякин А.Л.* Сербские сочинения П.А. Ровинского (первичное осмысление и перспективы исследования) // Славяноведение. 2017. № 3. С. 91.
- ⁶ Конституция на Българското Царство. София, 1945. С. 13.
- ⁷ Письма крестьян. Сборник второй. Пг., 1914. С. 5.
- ⁸ *Тазеев Б.Л.* Из македонских воспоминаний русского добровольца // Русский вестник. 1903. № 12. С. 785.
- ⁹ *Немирович-Данченко Вас.И.* С вооруженным народом // *Немирович-Данченко Вас.И.* Собрание сочинений. СПб., 1913. Т. XIV. С. 41.
- ¹⁰ Там же. С. 247.
- ¹¹ *Водовозов В.* На Балканах // Современник. 1913. № 8. С. 319, 322.
- ¹² *Чуриков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента М., 1913. С. 41.

* Отметим здесь тон одного из современных болгарских учебников, явно ориентированного на самоутверждение молодых болгар как представителей «просвещенной Европы». Согласно ему, приход Советской армии в 1944 г. и последующее установление режима народной демократии оторвали страну «от европейских демократических ценностей» (*Николов А., Делев М., Иванчев А., Янчев В.* История и цивилизация за 11 класс. Профилирана подготовка. София, 2002. С. 417).

- 13 *Паренсов П.Д.* Из прошлого. Воспоминания офицера генерального штаба. Часть 4-я. В Болгарии. Часть 5-я. Через 30-ть лет. СПб., 1908. С. 112.
- 14 Там же. С. 205–206.
- 15 *Головин А.Ф.* Князь Александр I българский (1879–1886). Варна, 1897. С. 97.
- 16 *Тагеев Б.Л.* Указ. соч. С. 786.
- 17 *Костенцева Р.* Моят роден град София в края на XIX — началото на XX век и след това. София, 2008. С. 102.
- 18 *Успенский Г.И.* «Мы» на словах, в мечтаниях и на деле // *Успенский Г.И.* Полное собрание сочинений. М., 1954. Т. 10. Ч. 2. С. 86–95.
- 19 *Гришина Р.П.* Лики модернизации в Болгарии в конце XIX — начале XX века (бег трусцой по пересеченной местности). М., 2008. С. 144.
- 20 *Ганчев Д.* Спомени за княжеското време. София, 1983. С. 30.
- 21 Там же. С. 26.
- 22 *Успенский Г.И.* Указ. соч. С. 95.
- 23 Конституция... С. 15.
- 24 *Чуриков Е.Н.* Указ. соч. С. 53–54.
- 25 Там же. С. 43.
- 26 *Епанчин Н.А.* На службе трех императоров. Воспоминания. М., 1996. С. 256.
- 27 *Кулаковский П.А.* Из поездки по Болгарии // *Московские ведомости.* 1899. № 327. С. 2.
- 28 *Гринберг С.* Основные тенденции и особенности развития фабричной промышленности в Болгарии в начале XX века (1900–1912 гг.) // *Советское славяноведение.* 1975. № 3. С. 81.
- 29 *Тагеев Б.Л.* Из македонских воспоминаний русского добровольца // *Русский вестник.* 1904. № 5. С. 168.
- 30 Письма крестьян... С. 6–7.
- 31 Там же.
- 32 *Илчев И.* Указ. соч. С. 277.
- 33 Там же. С. 279.
- 34 Там же. С. 62.
- 35 *Славейкова А.* На последния дуел в България гръмва само един пистолет // *Труд.* URL: <https://trud.bg/%D0%BD%D0%B0-%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%B4%D1%83%D0%B5%D0%BB-%D0%B2-%D0%B1%D1%8A%D0%BB%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F-%D0%B3%D1%80%D1%8A%D0%BC%D0%B2%D0%B0-%D1%81%D0%B0/> [дата обращения: 30.09.2019].
- 36 *Кулаковский П.А.* Из поездки по Болгарии // *Московские ведомости.* 1899. № 336. С. 2.
- 37 *Троцкий Л.* Перед историческим рубежом. Балканы и балканская война. СПб., 2011. С. 191.
- 38 *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг. // *Человек на Балканах. Особенности «новой» южнославянской государственности: Болгария, Сербия, Черногория, Королевство СХС в 1878–1920 гг.* М., 2016. С. 33.
- 39 Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р5881. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 65–65 об.
- 40 *Костенцева Р.* Указ. соч. С. 136.
- 41 *Илчев И.* Указ. соч. С. 279.

- 42 *Константинов А.* Бай Ганю. Невероятные рассказы об одном современном болгарине // *Болгары старого времени*. М., 1983. С. 426.
- 43 *Амфитеатров А.В.* Недавние люди. СПб., 1901. С. 34.
- 44 *Кулаковский П.А.* Из поездки по Болгарии // *Московские ведомости*. 1899. № 336. С. 2.
- 45 Конституция... С. 3.
- 46 Там же. С. 31.
- 47 *Палангурски М.* Избори по стамболовистки. В. Търново, 2008. С. 269.
- 48 *Кулаковский П.А.* Из поездки по Болгарии // *Московские ведомости*. 1899. № 327. С. 2.
- 49 *Троцкий Л.* Указ. соч. С. 35.
- 50 *Гришина Р.П.* Болгария в 1878–1920 гг. ... С. 99.
- 51 *Палангурски М.* Указ. соч. С. 273.